

А.К. Афанасьев (Москва)

О СУДЬБЕ ОРУЖИЯ И ЗНАМЕН МОСКОВСКОГО АРСЕНАЛА В 1812 ГОДУ

СТАТЬЯ посвящена причинам и последствиям сдачи врагу оружия и военных реликвий Московского арсенала, гибель которого была одним из наиболее трагических эпизодов Отечественной войны 1812 г. Исследование проведено на базе хранящихся в ОПИ ГИМ малоизученных или не известных до сих пор историкам документов.

Главным источником является «Дело о погибшем в Москве Артиллерийском имуществе 1812 Года»¹ из фонда «Особого Комитета по устройству в Москве Музея 1812 года». В «Деле» переплетено более 200 документов на 766 листах за период с 1 августа 1812-го по 20 апреля 1818 г. Свыше 90 % их относится ко времени с сентября 1812-го по февраль 1814 г. Это материалы специальной комиссии под председательством артиллерийских генералов П.М. Пичугина и В.Ф. Ильина. Комиссия была создана для расследования обстоятельств, при которых в Кремле было брошено оружие и военное имущество, определения объема убытков, а также для поиска оружия, оставшегося после ухода французов из Москвы.

«Дело» содержит копии писем М.И. Кутузова Ф.В. Ростопчину за время после Бородинского сражения и до сдачи Москвы, повеления Александра I, приказы, рапорты, объяснительные записки участников происшедшего, а также множество различных ведомостей, списков и тому подобных документов о количестве оставленного, уничтоженного и найденного впоследствии оружия и имущества арсенала. Эти материалы использовались лишь историком С.В. Шведовым, в статьях о запасах огнестрельного оружия

в Московском арсенале в 1812 г., для сопоставления с данными, хранящимися в других архивах².

Проблема эвакуации главных ценностей и учреждений обеих столиц встала сразу после вторжения войск Наполеона в Россию. В начале августа, когда французы направлялись от Смоленска к Москве, из Санкт-Петербурга уже были эвакуированы учреждения и ценности. Эрмитаж, дела всех присутственных мест, библиотеки и прочее вывезены водой на север. К эвакуации были готовы Петербургский арсенал, реликвии и трофеи, хранившиеся в Петропавловской крепости и других местах³.

В Москве ответственным за эвакуацию являлся Ф.В. Ростопчин, наделенный императором чрезвычайными полномочиями. Однако в вопросе о военном имуществе Ростопчин подчинялся М.И. Кутузову и должен был выполнять его постоянные требования о поставке оружия и боеприпасов из Московского арсенала, который после сдачи Смоленска стал главной и ближайшей базой снабжения русской армии. Эвакуация арсенала могла произойти только по приказу Кутузова.

Главным ответственным лицом в Москве по части вооружения являлся начальник Московского артиллерийского депо ген.-м. В.Х. Кнобель. Все текущие дела арсенала находились в ведении одного из членов артиллерийского депо, полковника А.А. Курдюмова, который одновременно занимал должности начальника арсенала, коменданта Кремля и командира его гарнизона. Утром 31 августа артиллерийское депо во главе с Кнобелем выехало в Нижний Новгород, и вся полнота ответственности за эвакуацию арсенала пала на Курдюмова.

Из материалов следственного дела видно, что еще 18 августа Ростопчин потребовал от Курдюмова сведения о числе подвод для вывоза артиллерийского имущества. В тот же день Курдюмов ответил, что ему необходимо 6475 подвод. 21 августа Ростопчин выделил ему 18 барок для вывоза имущества по воде, но из них только 8 были годными для использования. Перегруженные порохом и свинцом барки отправились по Москва-реке 1 сентября, но вскоре сели на мель около Перервы. Весь порох пришлось высыпать в воду, чтобы не достался врагу, а тысячи пудов свинца – затопить. В тот же день и утром 2-го сентября из арсенала вывозилось имущество на 600 подводах – больше их уже не было.

Ростопчин не был приглашен на военный совет в Филях и узнал о сдаче города только в 11 часов вечера 1 сентября, т. е. всего за 4 часа до начала вывода из него войск. До 16 часов 2 сентября армия Кутузова покидала Москву, и одновременно в город входили французы.

В два часа по полуночи 2 сентября Курдюмов снял караулы в Кремле, приказал своим подчиненным присоединиться к уходящей армии и спешно покинул город, бросив даже сундук с деньгами (тысяча рублей медной монетой) для оплаты частных подводчиков. Служители арсенала продолжали уничтожать боевые заряды вплоть до самого подхода неприятеля к Кремлю. Часть оружия и припасов затопили в Красном пруду ровно за час до появления там противника. Но основная масса имущества арсенала досталась врагу и была им разграблена, вывезена или уничтожена.

Узнав об этих огромных потерях, Александр I приказал провести тщательное расследование. 21 сентября 1812 г. (когда французы находились еще в Москве) управляющий Военным министерством кн. А.И. Горчаков передал вице-директору Артиллерийского департамента И.Г. Гогелю следующее повеление: «Государю Императору по случаю временного занятия неприятелем Москвы благоугодно иметь верное сведение о количестве находившихся там в сие время разного рода вещей и припасов по ведомству Артиллерийского Департамента. В следствие чего рекомендую Вашему Превосходительству представить ко мне немедленно ведомость об оружии, вещах и других припасах Артиллерийского ведомства, находящихся в Москве, буде известно об оных здесь по Артиллерийскому Департаменту. С тем вместе истребовать как наискорее чрез нарочного от начальника Московского Артиллерийского Депо верное и подробное сведение, сколько каких именно вещей и припасов ведомства Артиллерийского, до занятия неприятелем Москвы находилось там; сколько и куда именно вывезено; сколько осталось и сколько истреблено, также какую сумму составляют оставленные там и погибшие разного рода вещи, и таковое сведение доставить ко мне для доклада Его Императорскому Величеству»⁴.

Вскоре по выходе французов, в Москву был откомандирован с этой целью ген.-м. П.М. Пичугин, который в своих рапортах в Петербург докладывал о поиске оружия в развалинах арсенала. 16 декабря 1812 г. он доносил: «Огнестрельное и белое оружие

действительно перегорело /.../ так что ни на какое употребление не годится»⁵.

5 февраля 1813 г. Пичугину было приказано ускорить работу. 10 февраля министру были посланы три наспех составленные ведомости «О состоявших в Москве по 1-е Сентября прошлого 1812 года при Арсенале артиллерии, ее принадлежности, оружия, военных регалиях, трофеях, инструментах, материалах, припасах и других разного рода вещах, снарядах и запасах, бывших при Арсенале и в составе Московского запасного парка, с показанием, сколько чего именно истреблено, затоплено и оставлено в Москве, при выступлении оттуда войск наших, затем вывезено из оной куда, в какую сумму полагать истребленное, затопленное и оставленное в Москве имущество по ценам настоящим, штатным и примерно назначаемым, кроме, однако, таких званий, каким цен определить нельзя, как то образов, церковной утвари, военных регалий, трофеев, математических книг, негодных, равно и неупотребительных ныне вещей»⁶.

Разумеется, кроме определения размера убытков, встал вопрос о персональной ответственности. Граф Ростопчин целиком возложил ее на полковника Курдюмова. В письме Ростопчина военному министру от 17 марта 1813 г. говорится, что «...за прочее артиллерийское имущество оставленное в Москве ответственность должен один только Полковник Курдюмов; /.../ но он, закрывая свою беспечность в исполнении моих приказаний, во всех отчетах своих показывает, что оное имущество, так же немалозначущее количество зарядов, патронов и пороху оставлено за неимением подвод в Арсенале»⁷.

Весной 1813 г. П.М. Пичугина сменил ген.-м. В.Ф. Ильин, ставший новым начальником Московского артиллерийского депо и председателем чрезвычайной комиссии. Поисковая работа затруднялась тем, что найденные при разборе завалов фрагменты оружия и вещей определить было невозможно, поскольку архив арсенала тоже был оставлен и сторел.

По беспрестанным требованиям Военного министерства из Москвы в Петербург присылались составленные в срочном порядке ведомости и списки найденного оружия и вещей. Однако они носили промежуточный и фрагментарный характер, да и единой их формы долгое время не существовало. В течение трех лет в министерство были отправлены десятки таких ведомостей, реестров, списков, описей и тому подобных документов.

Все они доставлялись Александру I, державшему под личным контролем ход расследования. Работа следственной комиссии завершилась лишь в конце февраля 1814 г. О ее результатах было доложено директору Артиллерийского департамента П.И. Меллер-Закомельскому в подробном (на 24 страницах) рапорте⁸. Окончательных сведений о судьбе оружия и имущества арсенала пришлось ждать еще полтора года. 11 августа 1815 г. военный министр категорически потребовал: «...донести мне об оном без малейшего отлагательства, присовокупя и подробную ведомость для представления Государю Императору»⁹.

И только 10 сентября 1815 г. Меллер-Закомельский донес министру об окончании розыска артиллерийского имущества в Москве. К этому донесению приложена итоговая ведомость на 100 страницах¹⁰. В ней перечислено огнестрельное и холодное оружие, а также военное имущество, с разделением всего этого на три части: 1) что осталось в арсенале 2 сентября 1812 г., 2) что было впоследствии найдено и 3) не найденное, т. е. расхищенное или уничтоженное. По каждой из этих позиций указана стоимость имущества. По итоговой части ведомости видно, что количество одного только огнестрельного оружия, оставленного в Московском арсенале, превышало 80 тысяч единиц¹¹. Вместе с холодным оружием этого было достаточно, чтобы вооружить всю армию Кутузова или Наполеона. Общая стоимость оружия составила 1 074 762 р. 53 к. Найдено было на 71 661 р. 32 к. Не найдено и пропало на 1 003 101 р. 20 к.¹² Таким образом, стоимость отысканного оружия составила всего лишь около 7 % от оставленного. Цена пропавшего в арсенале оружия превышала сумму, выделенную из казны в 1813 г. на восстановление наиболее пострадавшей от войны Смоленской губернии.

Подсчет материального ущерба продолжался в Военном министерстве и в других высших инстанциях еще около двух лет. Наконец, 7 мая 1817 г. высший орган управления страной назвал итоговую цифру и выработал окончательное решение по делу о гибели арсенала: «Государственный Совет в Общем собрании, по внимательном сего дела соображении полагает: означенную потерю Артиллерийского и Комиссариатского Департаментов, составляющую всего четыре миллиона восемьсот сорок семь тысяч семьсот семнадцать рублей пятьдесят шесть копеек с четвертью (4 м. 847 717 руб. 56 коп.), как происшедшим по тогдашним не предвидимым военным обстоятельствам, из счета исключить»¹³.

Заметим, что указанная сумма сопоставима с государственными ассигнованиями на восстановление Москвы.

Но была еще одна категория оставленных в арсенале вещей, стоимость которых в принципе не поддается исчислению. Это хранившиеся там бесценные военные святыни и реликвии XVII – начала XIX вв.: российские и трофейные знамена, штандарты, значки, иконы и т. п., а также трофеи, олицетворявшие собой славные победы русской армии.

Знамена были окружены почетом и надежно оберегались. В петровском «Уставе Воинском» 1716 г. (артикул 94) сказано: «Которыя знамя свое или штандарт до последней капли крови оборонять не будут /.../, убиты будут /.../ или в полк отданы, и тамо, без процессу на первом древе, которое случится повешены быть»¹⁴. Отслужившие свой срок или обветшавшие в боях и походах знамена отдавались на хранение в местные арсеналы (Москва, Смоленск, Рига, Петербург и Киев; запасной – в Казани) или в ближайшие храмы. Вражеские знамена, вместе с особо ценными трофеями, препровождались в столицы и попадали в арсенал.

К началу осени 1812 г. в Московском арсенале хранилось в общей сложности около полутора тысяч российских и трофейных знамен. И все они были 2 сентября 1812 г. оставлены при выходе русской армии из Москвы. Такого количества знамен не доставалось врагу за всю историю России, да и вряд ли подобное можно отыскать во всемирной истории.

Рассмотрим причины этого происшествия и судьбу брошенных знамен.

Выше отмечалось, что император внимательно следил за ходом расследования и поисковыми работами в арсенале. В одном из указов Александра I А.И. Горчакову, от 18 марта 1813 г., говорилось: «Не мог оставить Я без замечания при рассмотрении означенных ведомостей, невероятной беззаботливости Артиллерийского начальства к сохранению, или даже к истреблению трофеев бывших в Арсенале, на что не надобно было ни чрезвычайных мер, ни большого времени. Замечание сие поставьте на вид Артиллерийскому Департаменту, ходатайствующему о награждении чиновников в его ведении служащих»¹⁵.

Гнев императора вызвали поступившие к нему данные о количестве знамен: почти 900 российских и около 600 трофейных. Для их эвакуации понадобилось бы всего лишь два-три десятка подвод.

Если учесть, что в распоряжении Курдюмова находилось более 600 подвод и 8 барок, то становится совершенно очевидным, что о знаменах попросту забыли. Расположенная в Кремле, рядом с арсеналом, Оружейная палата была эвакуирована 23 августа. А об арсенальных знаменах, реликвиях и трофеях ни разу не вспомнили: ни фельдмаршал Кутузов, ни генерал от инфантерии Ростопчин, ни отвечавший за арсенал полковник Курдюмов.

Не хочется думать, что это произошло от пренебрежительного отношения этих лиц к воинским святыням. Вряд ли артиллерийский полковник и Георгиевский кавалер Курдюмов не подумал о знаменах потому, что в 1812 г. знамен в артиллерии не полагалось¹⁶. Настоящей причиной этой преступной забывчивости явилась, на наш взгляд, стремительность развития событий, внезапность решения о сдаче Москвы и чудовищная суматоха 2-го сентября. Не стоит забывать, что письмами Кутузова и «афишками» Ростопчина в сознание москвичей внедрялась абсолютная уверенность, что Москва не будет сдана врагу ни при каких обстоятельствах. Отъезд части москвичей оценивался как паникерство и едва ли не как предательство. Вспомним публичную казнь М.Н. Верещагина и призывы Ростопчина к народу отстоять Москву с вилами.

Первые поиски результатов не дали, о чем говорится в рапорте Пичугина от 14 апреля 1813 г.: «...имею честь донести, что мною ничего в Арсенале из знамен и прочего что в выписке обозначено не отыскано, да чтобы неприятель оные увез утвердительно заключить не можно, потому что сии вещи оставались в той части Арсенала которая взорвана, и когда снег ныне сошел, то в развалинах отыскиваются в большом количестве лоскутья знамен, но какие они различить невозможно»¹⁷. Об оставленных в Кремле знаменах И.Г. Гогель в донесении А.И. Горчакову 12 мая 1813 г. писал, что неприятель: «...конечно же все истребил, вместе с подорванным хранилищем их, не имев ни времени, ни способов к увезению не только оных, но и своей Артиллерии, которую при иных обстоятельствах, без сомнения предпочел бы нашим трофеям»¹⁸.

Логика здесь явно хромает. Из того, что знамена хранились во взорванном впоследствии арсенале, вовсе не следует, что французы не могли увезти какую угодно их часть до своего выхода из Москвы. Существуют и многочисленные свидетельства об отправке оккупантами во Францию обозов с награбленными сокровищами.

В опубликованной недавно статье А.И. Попова о кремлевских трофеях Наполеона¹⁹ приводится письмо маршала А. Бертье военному министру А. Кларку, отправленное в Париж 12 октября (30 сентября по ст. ст.) 1812 г., т. е. за полторы недели до выхода французов из Москвы. В письме говорится: «Господин герцог, имею честь адресовать вам список вещей, находившихся в Кремле и отправленных во Францию в качестве трофеев во исполнение приказов императора. Все эти вещи заперты в два фургона, выехавшие вчера из Москвы. /.../ Желание императора состоит в том, чтобы, за исключением знамен, которые должны быть оставлены на хранение в Военном министерстве, Ваше сиятельство велели бы доставить прочие вещи г. Денону, директору музея Наполеона, которому его величество даст знать об их предназначении»²⁰. В приложенном к письму списке перечислены отправленные в пяти ящиках вещи: драгоценное церковное облачение, рука святого Андрея, украшенные бриллиантами, жемчугом и драгоценными камнями короны и т. п. Наибольший интерес для нас представляет содержимое ящиков № 4 и № 5. В первом из них находились 87, а во втором – 60 знамен, флагов, или штандартов²¹. В сумме насчитывается 147 знамен. Исследуя многочисленные французские источники, автор статьи делает вывод о том, что московские трофеи вывозились не в одном, а в нескольких обозах. Так, в 23-м бюллетене Великой армии от 14 (2) октября сообщалось о трофейных турецких знаменах: «Знамена, взятые русскими у турок в различных войнах, и многие драгоценные вещи, найденные в Кремле, отправлены в Париж»²². Трудно предположить, что из Москвы в Париж были вывезены только турецкие знамена, а российские остались в арсенале. Впрочем, если даже в 23-м бюллетене речь идет о тех 147 знаменах, которые обозначены в списке маршала Бертье, то их судьба незавидна. Основываясь на многочисленных свидетельствах, А.И. Попов полагает, что московские трофеи переправились через Березину, но вскоре «были брошены у Понарской горы возле Вильны»²³. Не исключено, что во французских архивах могут отыскаться новые сведения по этому вопросу.

Часть трофейных знамен из арсенала могла попасть в Варшаву. Французский генерал А.-О.-Л. Коленкур, вспоминая об отправленных в Париж кремлевских трофеях, отмечал, что служившие Наполеону поляки хотели вывезти свои старинные пушки. Но, поскольку тогда лошадей не было уже и для французских пушек,

«поляки удовольствовались старинными знаменами, отнятыми у них когда-то русскими и хранившимися в кремлевском арсенале»²⁴.

Некоторые старинные русские знамена были обнаружены в Москве вне арсенала. Так, генерал Ильин рапортом от 23 сентября 1813 г. доносил Военному министерству: «Граф Ростопчин, при повелении препровождая доставленные к нему Главнокомандующему одно Старое Российское Знамя и два Георгиевских вышитых Знака, из Знамен же Российских вырезанные, предлагает оному Депо отдать их для хранения в Московский Арсенал, из коего они, без сомнения полагать можно, во время нашествия на Москву неприятеля и похищены»²⁵. Наличие при этом знамени двух вырезанных Георгиевских знаков указывает на то, что французы не очень церемонились с попавшими в их руки святынями. Попытка определить принадлежность этого знамени не удалась, поскольку вся учетная документация арсенала не была эвакуирована и пропала.

Были и другие находки российских знамен. Московский комендант генерал И.Х. Гессе 8 декабря 1813 г. отправил в арсенал «...старое разодранное на две половинки Российское Знамя с вензелевым Гербом блаженной памяти Государя Императора Павла Первого». Вместе с ним препровождалось и найденное полковником бароном А.А. Дельвигом (отцом поэта и друга А.С. Пушкина) в Сенатском корпусе Кремля «...знамя с целым Императорским Гербом и на обороте оного Вензель Императрицы Екатерины Первой». Кроме того, к московскому обер-полицмейстеру ген. П.А. Ивашкину были доставлены «...от разных частей найденные одно Знамя ветхое без кисти и один Штандарт в двух распоротых половинках и все оное без древка»²⁶.

Поиски знамен и воинских реликвий продолжались более двух лет. К концу 1814 г. при разборе мусора и развалин арсенала были найдены не только мелкие клочки, но и значительное количество относительно целых знамен или крупных их фрагментов. К донесениям от 13 ноября и 10 декабря 1814 г. в Военное министерство о найденных знаменах, значках и прочих вещах были приложены ведомости с их описаниями. В первой ведомости дано описание 74 знамен, во второй – 47.

В обеих ведомостях после описания знамен имеется одна и та же запись: «Вообще все Знамены и Значки найденные в мусоре сопревшие, от чего нисколько в них крепости не имеется». Тексты описаний довольно лаконичны и однообразны, например: «Атласное

Белое с Черным Орлом – Императрицы Е./катерины/ 1-й. Изорванное. Древка переломлена, без Подтока и Копья»²⁷.

В описании двух знамен приведены сохранившиеся на них надписи. На одном знамени: «Яко храбрый воин Христов Великой Государь Благоверный Царь и Великий Князь Петр Алексеевич Всея Великия Малыя и Белья России Самодержец». На другом: «По Повелениям Ея Величества Государыни Анны Иоанновны Императрицы Самодержицы Всероссийской и протчая и протчая и протчая дано сие Знамя Ея Императорского Величества верному подданному Войска Запорозского обеих сторон Днепра Гетману Данилу Апостолу лета от Рождества Христова 1730 Государствования Ея Величества в 1-м Году»²⁸.

К 10 декабря 1814 г. было найдено 121 знамя.

Итоговые же цифры помещены в сентябре 1815 г. в общую «Ведомость об Артиллерийском имуществе, оставленном при вступлении неприятеля в Москве, с показанием сколько чего из оного по изгнании неприятеля донныне найдено, не отыскано и чего неотысканное коштует»²⁹. Из этой ведомости следует, что 2 сентября 1812 г. в Московском арсенале было оставлено в общей сложности 1465 знамен, из которых 895 российских и 570 трофейных. Найдено было всего 182 знамени (из них 113 российских и 69 трофейных), т. е. около 12 % от общего их числа. Ненайденными остались 1283 знамени (из них 782 российских и 501 – трофейное).

В документах того времени знамена считали отдельно от штандартов. Но поскольку штандартами (или эстандартами) назывались знамена в кавалерии, мы объединили здесь два этих названия в одно – знамена.

Надо отметить, что вместе со знаменами врагу достались в арсенале и другие армейские святыни, символы и атрибуты: 14 бунчуков, 17 серебряных булав, 239 серебряных и 98 золотых знаменных кистей, 879 российских значков³⁰ и пр.

Персональной ответственности за оставленные врагу оружие и реликвии никто не понес. Находившийся под следствием бывший начальник Московского арсенала полковник Курдюмов попал под ту статью Высочайшего манифеста от 30 августа 1814 г. о победе над Наполеоном, в которой объявлялась амнистия всем находившимся под следствием по делам, не связанным с предательством или убийством³¹. Он продолжал служить в том же чине, правда, в

провинциальных гарнизонах и не получив наград за службу во время войны.

Потеря огромного количества оружия, а также российских и трофейных знамен в Московском арсенале ощущается до нашего времени как для исторической науки, так и для отражения той эпохи в музейных экспозициях. Даже в фондах Государственного Исторического, крупнейшего из московских музеев, не имеется ни одного знамени XVIII – начала XIX вв. хорошей сохранности.

Таким образом, находящееся в ОПИ ГИМ «Дело о погибшем в Москве Артиллерийском имуществе 1812 Года» содержит конкретные данные о количестве и составе оставленного, найденного и погибшего оружия, военного имущества и припасов, знамен, трофеев и других реликвий. Здесь имеются документы о ходе работы по разбору завалов взорванного арсенала, поисках в Москва-реке затопленного свинца и о многом другом, представляющем интерес для изучения истории российской артиллерии, Отечественной войны 1812 г., Москвы и Кремля. Рапорты, показания и объяснительные записки допрошенных в ходе следствия служащих арсенала дают возможность воспроизвести обстановку в нем 1 и 2 сентября буквально по часам. Эти материалы еще не введены в научный оборот в полном объеме. Наиболее значимая и интересная их часть опубликована нами в юбилейном издании «Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы из собрания ОПИ ГИМ». (М., 2012).

¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее ОПИ ГИМ). Ф. 160. Ед. 206.

² Шведов С.В. Судьба запасов огнестрельного оружия Московского арсенала в 1812 году // Советские архивы. 1985. № 5. С. 66–68; Его же. О запасах военного имущества в Москве в 1812 г. // Там же. 1987. № 6. С. 71–73; Его же. Ведомость о состоянии запасов Московского арсенала на 1 сентября 1812 года // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов. 30 мая – 1 июня 2002 года. Саратов, 2002. С. 88–98.

³ Марченко В.Р. Автобиографическая записка гос. секретаря Василия Романовича Марченки, 1782–1838 // Русская Старина. 1896. № 3. С. 500–501; Журналы Комитета министров царствования императора Александра I. Т. 2. 1810–1812. СПб., 1891. С. 90–91.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. 206. Л. 37–38.

⁵ Там же. Л. 163–163 об.

⁶ Там же. Л. 182.

⁷ Там же. Л. 293–294.

⁸ Там же. Л. 545–556.

⁹ Там же. Л. 674.

¹⁰ Там же. Л. 678–727.

¹¹ В современной энциклопедии Отечественной войны 1812 г. говорится, что в Арсенале было оставлено 66 418 единиц учтенного огнестрельного оружия и значительное количество неучтенного, в т. ч. 7,5 тыс. ружей, привезенных в Москву из Киева в день оставления Москвы. В целом же в исторической литературе «оставленное в Москве артиллерийское вооружение исчисляется в 74 974 ружья, но в эту цифру не включаются до 10 тыс. карабинов, штуцеров, пистолетов и др.» (Московский арсенал (Цейхгауз) // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 479).

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. 206. Л. 690.

¹³ Там же. Л. 735.

¹⁴ Цит. по: Николаев Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках русской армии. В 2 т. СПб., 1898–1899. Т. 1. С. 225.

¹⁵ Там же. Л. 282–282 об.

¹⁶ Краткий артиллерийский военно-исторический лексикон, или терминологический словарь всего, преимущественно до русской полевой артиллерии начала XIX столетия касаемого / сост. А.А. Смирнов // Труды ГИМ. Вып. 156. М., 2006. С. 67. Ст. «Знамя (штандарт)».

¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. 206. Л. 301–301 об.

¹⁸ Там же. Л. 303–303 об.

¹⁹ Попов А.И. Кремлевские трофеи Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Документы. М., 2012. С. 254–259.

²⁰ Там же. С. 256.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 257.

²³ Там же. С. 259.

²⁴ Коленкур А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Жуковский – М., 2002. С. 263.

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. 206. Л. 404.

²⁶ Там же. Л. 425–426.

²⁷ Там же. Л. 634.

²⁸ Там же. Л. 657 об.–658.

²⁹ Там же. Л. 691 об.

³⁰ Мы не решаемся причислить к знаменам 879 значков, которые в нашем источнике обозначены как вырезанные из знамен их части, т. к. в справочной литературе разного времени значками назывались батальонные и ротные флаги, иногда знаки отличия и др.

³¹ Полн. собр. законов Росс. империи. Собр. 1-е. Т. 32. № 25671. 30 авг. 1814.